

ОТ РЕДАКЦИИ

В настоящем томе «Литературного наследства» публикуются неизвестные произведения И. С. Тургенева и вновь обнаруженные материалы его переписки. Основу тома составляют творческие и эпистолярные документы, извлеченные преимущественно из той части архива писателя, которая хранится во Франции в Национальной библиотеке (Париж).

С самого начала своего существования редакция «Литературного наследства» поставила перед собой задачу выявления и публикации документальных материалов по истории русской литературы и общественной мысли, материалов, находящихся не только в государственных архивохранилищах СССР и частных коллекциях, но и оказавшихся по тем или иным причинам за рубежом, разбросанных по многим странам и самым различным местам хранения — от архивов и библиотек до частных собраний.

Уже через несколько месяцев после основания в 1931 г. нашего издания было решено отметить исполнявшееся в 1932 г. столетие со дня смерти Гете выпуском специального тома «Литературного наследства». В процессе его подготовки удалось получить из Goethe- und Schiller-Archiv'a в Веймаре фотокопии писем русских корреспондентов Гете, в числе которых были В. К. Кюхельбекер, А. И. Тургенев, Ф. П. Толстой, С. С. Уваров, А. А. Кавелин, Г. И. Вилламов и другие, фотокопии неизвестных в печати стихотворений В. А. Жуковского и Ф. Н. Глинки, посвященных Гете, сведения о русских книгах в личной библиотеке Гете. Все эти материалы, давшие возможность впервые установить множество интереснейших фактов из истории русских отношений Гете, были использованы в гетевском томе «Литературного наследства» (№ 4-6).

Некоторые из автографов Пушкина, увезенные в давние годы за границу, исследованы в томе (№ 16-18), выпущенном в свет в 1934 г. в связи с предстоящим столетием со дня смерти великого поэта. Здесь были подробно описаны две обширные рукописи поэта — «Тетрадь Всеволожского» и «Капнистовская тетрадь». В них Пушкин устанавливал состав, построение и текст неосуществленного собрания своих стихотворений. Первая тетрадь была обнаружена в Югославии, следы второй привели в Грецию. И хотя «Капнистовская тетрадь» не была найдена, удалось отыскать старинные фотографии шести страниц этой тетради, которые внесли много нового в наши знания об этой драгоценной рукописи и тем самым дали возможность яснее представить себе лирический облик Пушкина в 1825 году.

В последующих томах «Литературного наследства» можно найти репродукции хранящихся за рубежом автографов Лермонтова, письма русских революционеров 1860—1870-х годов (их копии были получены редакцией из знаменитого Рапперсвильского собрания в Варшаве, уничтоженного гитлеровцами в годы второй мировой войны), письма Салтыкова к французскому журналисту Шарлю Шассену, письма Чехова и книги с его автографами. В связи с подготовкой тома, посвященного русским революционным демократам, из Исторического музея в Варшаве были получены и воспроизведены в № 67 «Литературного наследства» портреты Чернышевского, а также изображающие русскую политическую каторгу 1860-х годов эподы маслом и рисунки, работы польского художника А. Сохачевского*.

* В готовящихся двух новых томах «Литературного наследства» — «Горький и Леонид Андреев. Незданная переписка» и «Русская культура и Англия» — публикуются письма Горького к Андрееву, хранящиеся в Колумбийском университете в Нью-Йорке и в частном собрании в Женеве; письма русских деятелей к английским писателям, хранящиеся в Англии, в частности в архиве Вальтера Скотта.

Незадолго до второй мировой войны, благодаря чешским друзьям «Литературного наследства», редакции удалось получить фотографии писем Толстого, хранившихся в той части бумаг Герцена, которые поступили в Русский заграничный исторический архив в Праге. Письма эти были опубликованы в № 41-42 «Литературного наследства» («А. И. Герцен», т. II), вышедшем в свет в 1941 году. В начале мая 1945 г., в связи с приближением частей Советской армии к Праге Советским правительством были предприняты экстренные меры для охраны после освобождения города от гитлеровских оккупантов документальных, эпистолярных и мемуарных материалов Русского заграничного исторического архива. В том же 1945 г. правительство Чехословакии передало фонды архива в дар Академии наук СССР. Редакции «Литературного наследства» было поручено подготовить к изданию ценнейший фонд бумаг Герцена и Огарева, входивший в состав архива. В 1953 г., после выхода в свет первого тома (№ 61) с публикациями этих материалов, в болгарской печати появилось сообщение о том, что часть бумаг Герцена, переданная в свое время его сыном М. П. Драгоманову, ныне хранится в Архивном институте Академии наук Болгарии. Вскоре президиум этой Академии передал в дар Академии наук СССР всю «софийскую коллекцию» архива Герцена. Выпущенные вслед за тем два новых тома «Литературного наследства» (№№ 62 и 63) продолжили публикацию наиболее ценных материалов, входивших в состав «пражской коллекции» и «софийской коллекции».

В 1958 г. был выпущен еще один том «Литературного наследства» (№ 64), посвященный публикации герценовских материалов, находящихся за рубежом. Сюда вошли интереснейшие письма Герцена, хранившиеся у его внуков Жермены Шарль Рист (Версаль) и Эдуарда Моно-Герцена (Париж), в Национальной библиотеке (Париж), в Британском музее (Лондон), в Международном институте социальной истории (Амстердам), в библиотеке Фельтринелли (Милан), в Музее Рисорджименто (Милан), в Музее города Рима, в Колумбийском университете (Нью-Йорк), в Польской Академии наук (Краков), Чехословацкой Академии наук (Прага), в Библиотеке им. Сечени (Будапешт). Таким образом в указанных четырех томах нашего издания были впервые собраны и исследованы разбросанные по всему свету герценовские материалы, представляющие огромный интерес как для изучения творческой и политической биографии Герцена и Огарева, так и для изучения русской общественной мысли и всей эпохи революционно-освободительного движения 1840—1860-х годов.

Итак, начав с публикаций отдельных документов, хранящихся за рубежом, редакция перешла к более систематическому изучению и публикации обширных личных фондов архивных материалов по истории русской культуры. Продолжением этой работы и является настоящий том «Литературного наследства» (№ 73), состоящий из двух книг и названный «Из парижского архива И. С. Тургенева».

Еще в 1937 г. в «Литературном наследстве» было опубликовано три связи писем Тургенева, хранящихся во Франции. Это шестнадцать писем к Максиму Дю-Кану и двадцать четыре письма к Гюставу Флоберу, находящиеся в библиотеке Французской Академии, а также двадцать писем Тургенева к Эдмону Гонкуру, хранящиеся в архиве Гонкуров в отделе рукописей Национальной библиотеки в Париже (№ 31-32, «Русская культура и Франция», т. II). Однако только в последние годы редакция получила возможность приступить к публикации неизданных материалов из парижских фондов архива самого Тургенева.

Иван Сергеевич Тургенев очень дорожил своим архивом, особенно той, наиболее объемистой его частью, которая на протяжении десятилетий накапливалась за границей, а в конце жизни писателя находилась на его парижской квартире (50, rue de Douai; этот дом принадлежал Полине Виардо). Судьба архива все чаще стала беспокоить Тургенева, когда в 1881 г. состояние его здоровья ухудшилось.

31 мая этого года Тургенев приехал на все лето в Спасское вместе с Я. П. Полонским и его женой Жозефиной Антоновной. Здесь у Тургенева и явилась мысль поручить жене своего давнего друга, — человеку молодому и энергичному, — разобрать и сохранить его бумаги, которые находились в Спасском, очевидно, со времени его вынужденного пребывания там в 1852—1856 гг. Тургенев передал ей летом 1881 г. ключи от шкафа и письменного стола, где хранились его бумаги, и обещал прислать

из Парижа хранящиеся там материалы его архива. Вскоре после возвращения в Париж, Тургенев писал (23 сентября/5 октября 1881 г.) Ж. А. Полонской: «...подтверждаю сделанное мною вам обещание и, отправляясь в Петербург (что будет, вероятно, в конце февраля), повезу с собою разные бумаги и письма, которые оставляю вам, иные — для хранения, другие — для уничтожения после моей смерти, которая, однако, несмотря на предчувствия — не явилась за мною в ночь с 1 на 2 октября. На это вы можете с уверенностью рассчитывать». В другом письме к Ж. А. Полонской из Парижа Тургенев снова подтвердил свое обещание («я еще не приступил к разбору моих писем, но слово свое сдержу»), однако вскоре, по ряду причин, он отказался от этого намерения.

Другим человеком, которому Тургенев решил передать свой архив, был его давний друг и литературный советчик Павел Васильевич Анненков. 19 апреля /1 мая 1882 г. Тургенев отправил ему из Парижа письмо, в котором, ссылаясь на расстройство своего здоровья, обратился к нему с рядом важных дел; в частности, он писал: «...все, что отыщется после меня в моих бумагах, как-то: начатые романы, повести, неконченные и недоделанные рассказы — а равно и мои личные записки и корреспонденцию — также рукописи напечатанных сочинений — предоставляю вам самим, любезный Павел Васильевич, в полное распоряжение и употребление, смотря по вашему усмотрению».

Через восемь месяцев, в дни, предшествовавшие серьезной операции, Тургенев вновь обратился к Анненкову, но на этот раз распоряжение писателя имело более ограниченный характер: «Так как всегда нужно все по возможности предвидеть — особенно все нехорошее, — то вы найдете в этом письме записку от меня к вам, в силу которой вы будете иметь право, в случае моей смерти, разобрать мою корреспонденцию — и взять себе все, что найдете интересным. Я об этом предупредил моих друзей Виардо» (письмо от 29 декабря 1882 г./10 января 1883 г.). Но немного позже Тургенев принял решение передать весь свой архив Полине Виардо, что и было осуществлено им в завещании, оформленном официально летом 1883 г.: «Я назначаю госпожу Полину Виардо полной наследницей всего моего имущества. Буживаль. 17 июня 1883 года. Иван Тургенев» (документ написан по-французски). 26 июня н. с. это завещание было засвидетельствовано в русском генеральном консульстве в Париже. А через два месяца — 22 августа/3 сентября Тургенев скончался.

Вскоре после похорон Тургенева Полина Виардо обратилась к Анненкову с любезным письмом, в котором, называя его «самым близким другом» и «самым надежным судьей литературной деятельности» писателя, просила разобрать переписку покойного, т. е. письма, полученные Тургеневым, — но, по-видимому, лишь от русских корреспондентов. Одновременно Полина Виардо просила Анненкова составлять для нее отчеты о прочитанном. Анненков, согласившись взять на себя эту обязанность, приехал на короткое время в Париж, получил множество связок писем и увез их с собой в Берлин, где он в это время проходил курс лечения.

Даже эта не очень значительная доля огромного архива Тургенева была настолько велика, что Анненков за целый год не смог ознакомиться с ней. Сообщая спустя несколько недель после начала этой работы — в апреле 1885 г. — редактору журнала «Вестник Европы» М. М. Стасюлевичу о своей поездке в Париж, Анненков писал, что «между разным хламом встречаются однако же письма великого значения». И далее: «Все вместе представляет по объему нечто вроде цепи Юнгфрау или Индейских гор. И все это надо разобрать и прочитать, что я и начал делать, но не одолел еще и четверти, хотя уже послал г-же Виардо целый транспорт прочитанных бумаг Тургенева по почте». В другом письме от мая 1885 г. Анненков вновь возвращается к тому же: «Я изнемогаю, перечитывая все это (...), да составляя отчеты о прочитанном для г-жи Виардо. Я уже послал ей в два приема громадные массы этой прочитанной корреспонденции, которая для нее должна казаться мраморными колоссальными обломками, испещренными неизвестными ей письменами. Она не знает, что будет делать с ними, да и я тоже». Жалуясь в июльских письмах на огромный объем работы, Анненков сообщает: «...занят был разбором громадных кипов бумаг из кабинета Тургенева и еще не пришел к концу. Три кивы прочтены и возвращены владелице, а остаются еще три».

И лишь в январе 1886 г. Анненков написал Стасюлевичу: «...просмотр бумаг Тургенева кончился, которых целая библиотека (!) уже и отосланы г-же Виардо». В последний раз об этой работе над письмами корреспондентов Тургенева Анненков известил Стасюлевича 12 ноября (н. с.) 1886 г.: «...отправил целые обозы их обратно, назад в Париж, удержав при себе те, которые почему-либо мне показались интересными». Это было одно из последних писем Анненкова — 8 марта 1887 г. он умер.

Анненков удержал свои собственные письма к Тургеневу, а также письма ряда русских литераторов; значительная часть этих материалов хранится в настоящее время в советских архивах (ИРЛИ, ЛБ). Судьба же той массы писем, которая была возвращена им Полине Виардо, остается не вполне ясной. Анненков знал, что владелица архива, не придавая значения письмам русских корреспондентов Тургенева, намеревалась эти письма уничтожить. Об этом Анненков еще за два года до своей смерти (19 апреля н. с. 1885 г.) извещал Стасюлевича: «Г-жа Виардо собирается все просмотренные бумаги бросить в огонь (их держать негде, так как она уже продала свой дом на rue de Douai за 260 тысяч франков)». Поэтому он подал мысль администрации Публичной библиотеки в Петербурге приобрести эту часть архива Тургенева (о безрезультатных хлопотах по этому вопросу Анненкова, Стасюлевича и В. П. Гаевского см. в обстоятельной статье М. П. Алексеева «По следам рукописей И. С. Тургенева во Франции». — «Русская литература», 1963, № 2, стр. 54—55). Просмотренные Анненковым и отправленные им обратно в Париж бумаги составляли весьма небольшую долю огромного тургеневского фонда, поступившего во владение Полины Виардо. На протяжении последующих двадцати пяти лет этот архив оставался личной собственностью артистки, к его описанию не было даже приступлено, и ни один из исследователей творчества Тургенева не был к нему допущен.

В мае 1910 г., дожив почти до девяноста лет, Полина Виардо скончалась, и все оставшееся после нее имущество перешло к ее детям. В связи с этим произошло нечто непоправимое. Архив Тургенева перестал существовать как единое целое, он был разделен между наследниками, по меньшей мере на четыре части (по числу детей Полины Виардо). Трудно представить себе, что таково было решение покойной владелицы архива, настолько оно кажется невозможным.

Вскоре началось дальнейшее дробление разрознившихся частей архива Тургенева. В одних случаях это происходило при переходе наследства от детей к внукам и внучкам Полины Виардо, в других — в результате распродажи тургеневских бумаг. Известно, что у коллекционеров и в антикварных магазинах Парижа стали появляться автографы Тургенева и письма к нему выдающихся зарубежных писателей: происхождение продававшихся материалов не вызывало ни малейшего сомнения.

Начало систематического изучения парижского архива Тургенева было положено выдающимся французским славистом профессором Андре Мазоном. После первой мировой войны, в конце 1910-х годов он вошел в контакт с некоторыми из потомков Полины Виардо, владевшими тремя частями архива Тургенева, и приступил к его исследованию и публикации. Вслед за напечатанием в 1921 г. писем Достоевского к Тургеневу он сосредоточил свое внимание на изучении творческой лаборатории писателя. В 1925 г. он опубликовал ряд исследований, основанных на анализе подготовительных материалов к романам «Ночь», «Накануне», «Дым» и к повести «Первая любовь». В 1930 г. вышли в свет две книги Андре Мазона — сборник новых стихотворений в прозе Тургенева и фундаментальное описание того фонда бумаг Тургенева, к которому он получил доступ (A. M a z o n. *Manuscripts parisiens d'Ivan Tourguénev. Notices et extraits.* Paris, 1930). В эту книгу вошли также его исследования, посвященные работе писателя над повестями «Степной король Лир» и «Песнь торжествующей любви» и, кроме того, над начатыми произведениями — «Незавершенная повесть» и «Силаев».

В начале 1950-х гг. три части архива Тургенева, описанные в книге Андре Мазона, были приобретены Национальной библиотекой в Париже. Таким образом, в результате его многолетних усилий, была предотвращена опасность дальнейшего распыления рукописей великого писателя. Этим была также обеспечена возможность последующего использования ценнейших документов из архива Тургенева

советскими исследователями при подготовке академического Полного собрания его сочинений и писем*. В этой связи следует отметить большую заслугу Андре Мазона перед русской национальной культурой.

Крайнее сожаление вызывает тот факт, что остальные части архива Тургенева все еще находятся в полной неизвестности, а многое из них уже давно разошлось по всему свету. А ведь там, кроме рукописей Тургенева, были и первоклассные эпистолярные материалы. Так, в фонде, поступившем в Национальную библиотеку, почти не оказалось писем к Тургеневу иностранных писателей (если не считать небольшой связки писем Фридриха Боденштедта, да нескольких единичных писем второстепенных зарубежных корреспондентов Тургенева). Между тем таких писем от многих десятков интереснейших адресатов была не одна тысяча. В недавние годы впервые опубликовано до ста сорока писем к Тургеневу Гюстава Флобера и около ста писем Проспера Мерима; на одном из парижских аукционов появилась связка писем Жорж Санд. Еще и ныне остается неизвестным местонахождение писем к Тургеневу таких его корреспондентов, как Эмиль Золя, Виктор Гюго, Эдмон Гонкур, Альфонс Додэ, Ги де Мопассан, Гастон Парис, Полина Виардо. В невыявленных еще частях архива Тургенева, несомненно, могут оказаться самые неожиданные материалы, так как бумаги Тургенева после смерти Полины Виардо делили произвольно: ведь оказалось же в тех частях архива Тургенева, которые поступили в Национальную библиотеку, лишь 79 листов «Игры в портреты», в то время как другие 118 листов до сих пор остаются у потомков Полины Виардо. И только благодаря счастливому стечению обстоятельств редакция имеет возможность одновременно обнаружить обе эти части в настоящем томе. Конечно, нельзя ручаться, что еще какая-то часть «Игры в портреты» не хранится в третьем месте.

Когда редакция «Литературного наследства» задумала выпустить том, посвященный Тургеневу, она, естественно, сочла нужным обратиться к тем частям парижского архива, которые хранятся в Национальной библиотеке. Благодаря любезному содействию Андре Мазона и директора Национальной библиотеки академика Жюльена Кэна, «Литературному наследству» было предоставлено право первой публикации ряда творческих рукописей и эпистолярных материалов — они и составили значительную часть содержания настоящего тома. К этому присоединено несколько публикаций, основанных на разысканиях, предпринятых в отечественных архивах, а также на изучении отдельных французских периодических изданий, в которых сотрудничал Тургенев.

В виду большого объема собранных в томе материалов и исследований, было признано целесообразным выпустить его в двух книгах: в первую книгу входят тексты неизвестных произведений Тургенева и статьи, им посвященные, во вторую — материалы переписки Тургенева, также сопровождающиеся исследовательскими статьями. Завершается вторая книга разделом библиографий; сюда включены составленная С. А. Рейсером библиография переписки Тургенева, коллективный труд — библиография воспоминаний о Тургеневе, и составленная И. Т. Моцаревым библиография библиографий по Тургеневу. Нет сомнения, что эти справочные работы сыграют большую роль в дальнейшем изучении творческой биографии Тургенева и литературно-общественной жизни того времени.

Художественному творчеству Тургенева отведено в томе наибольшее место. Оно представлено прежде всего никогда не публиковавшимися набросками, планами и текстами незавершенных рассказов. Эта публикация подготовлена Андре Мазоном — она завершает его многолетнюю исследовательскую работу над неизвестными творческими рукописями Тургенева и вместе с тем исчерпывает эту часть парижского архива писателя (если не считать черновых рукописей ряда известных романов и повестей Тургенева, научная разработка которых осуществляется в соответствующих томах Полного собрания сочинений Тургенева, издаваемого Институтом русской литературы (Пушкинским домом) АН СССР).

* В настоящее время уже переданы Институту русской литературы (Пушкинскому дому) АН СССР микрофильмы со многих из этих документов — всего около 5000 кадров.

Новые тексты, входящие в названную публикацию, представляют большую ценность для изучения творчества Тургенева на разных его этапах — мимо них в будущем не пройдет ни один исследователь. Особенно значителен по своему идейному содержанию сохранившийся в двух редакциях рассказ о «реформаторе» и «русском немце», предназначенный для «Записок охотника», но по цензурным причинам, а позднее и по ряду других мотивов не заверченный автором. Главные действующие лица в этом рассказе — господин Леберехт и Евгений Александрович Ладыгин — могут по праву стать в один ряд с другими фигурами помещиков-крепостников в «Записках охотника». История работы Тургенева над этим рассказом раскрывается в предисловии Андре Мазона к публикации и в сопровождающем ее послесловии Ю. Г. Оксманна, который сосредоточивает главное внимание на выяснении идейно-художественного значения рассказа; из его наблюдений и выводов наибольший интерес представляет сближение публикуемого произведения с давно известным по переписке Тургенева замыслом антикрепостнического рассказа «Землеед».

План романа «Два поколения» впервые позволяет реально представить себе основное содержание этого утраченного произведения, общие контуры его сюжета, круг персонажей и их характеры. Известно, что рукопись этого романа, в значительной части уже написанного, была затем уничтожена автором в тяжелый момент творческого кризиса, который усиливался неблагоприятными отзывами большинства друзей писателя, читавших этот роман. Во вводной статье и в послесловии Л. Н. Назаровой восстанавливается сложная история работы Тургенева над романом, систематизируются дошедшие до нас отзывы о нем и дается достаточно убедительный ответ на вопрос о причинах уничтожения романа, бывшего первым и во многом не удавшимся опытом в области этого нового для Тургенева жанра. Здесь определяется место романа в развитии творчества Тургенева, его связь с переходным периодом, который был им самим определен как отказ от «старой» манеры и поиски «новой» манеры, знаменовавшей более высокую ступень в эволюции тургеневского реализма.

Полностью неизвестную страницу в истории творчества Тургенева в последние годы его жизни открывает замысел повести, условно называемой «Наталья Карповна» — от нее сохранился лишь публикуемый в томе «формулярный список» персонажей. Замысел этой повести убедительно свидетельствует о том, что и в самом конце своего творческого пути Тургенев продолжал живо интересоваться судьбами русской революционной молодежи. В новой повести он предполагал показать русского революционера, образ которого в публикуемых набросках очерчен с явной авторской симпатией. Замысел повести «Наталья Карповна» существенно дополняет известные по мемуарной литературе свидетельства о настойчивом и многократно выраженном желании Тургенева написать большое произведение с фигурой молодого русского революционера на первом плане.

К названным публикациям примыкает и работа Е. И. Кийко, выполненная также по материалам, хранящимся в Национальной библиотеке в Париже, и впервые знакомящая читателей с неизвестным окончанием повести «Первая любовь», которое было написано для французского издания.

Большое место в разделе, содержащем художественные произведения Тургенева, занимает публикация текстов либретто, написанных в конце 1860-х годов и послуживших основой для комических опер, музыку которых писала Полина Виардо. В бумагах Тургенева, находящихся в Национальной библиотеке, сохранились полностью, в совершенно законченном виде, тексты двух либретто — «Слишком много жен» и «Зеркало». Рукописи этих либретто открывают возможность изучения творческой работы Тургенева над ними; от либретто «Слишком много жен», помимо окончательного текста, до нас дошли две ранние редакции (одна из них не полностью), наличие которых дает право утверждать, что и над этими произведениями, не имевшими в глазах Тургенева серьезного литературного значения и не предназначенными им для печати, он работал с привычной для него художественной требовательностью — это одинаково относится и к развитию сюжета, и к разработке характеров, и к построению диалога, и к выработке легкой и изящной словесной формы. Но не все либретто, написанные Тургеневым, имеются в фонде Национальной библиотеки; здесь нет пол-

ного текста «Людоеда» (сохранилась лишь переписанная рукой Тургенева роль людоеда Микоколембо), а «Последний колдун» представлен только первоначальными набросками трех ранних редакций и немецким переводом окончательного текста — французский же оригинал этого текста тоже отсутствует.

Помимо названных либретто к опереттам, постановки которых были осуществлены или, по крайней мере, близки к осуществлению, в бумагах Тургенева сохранилось несколько планов и набросков других задуманных им либретто — не только опереточных, но и оперных. Характеристика всего этого материала дана во вступительной статье французского тургениста Робера Оливье.

Таким образом, публикуемые в томе тексты, относящиеся к необычной для Тургенева области музыкальной драматургии, впервые предоставляют читателям и исследователям возможность познакомиться с этой до сих пор весьма мало известной стороной его творчества. Не преувеличивая идейно-художественного значения написанных Тургеньевым либретто, мы все же должны признать, что он, используя (а в иных случаях и пародируя) каноны популярного в ту эпоху жанра французской оперетты, вложил в создание этих своих произведений много творческой изобретательности, остроумия и легкого юмора, переходящего порой в политическую сатиру.

Редакция «Литературного наследства» приняла решение печатать только окончательные тексты либретто, предполагая, что исследовательская разработка и публикация первоначальных набросков ранних редакций и творческих вариантов, имеющих как в черновых, так и в беловых автографах, будет осуществлена в Полном собрании сочинений Тургенева. Рядом с тремя опереточными либретто печатается написанная в тот же баденский период одноактная комедия «Ночь в гостинице Большого Кабана» — произведение, в котором стремительное, полное неожиданных поворотов развитие действия сочетается с остроумной разработкой комедийных характеров и с живым, изящным диалогом.

Все произведения этой группы публикуются на французском языке (как они были написаны) и в русском переводе. Исключение сделано для «Последнего колдуна», который печатается только по-русски: французский оригинал этого либретто, как уже сказано выше, не сохранился, печатать немецкий перевод было бы явно нецелесообразно. Публикация либретто замыкается обстоятельной статьей немецкого исследователя Грегора Швицца (Иена, ГДР) «Представления оперетты „Последний колдун“», в которой представлены обширные и весьма интересные материалы, извлеченные автором из архивных собраний в Веймаре и в Баден-Бадене, а также из широко обследованной им немецкой печати 1860-х годов.

Вторую группу произведений Тургенева, публикуемых в томе, составляют два новых образца его критической прозы и предисловие, написанное в 1862 г. для отдельного издания романа «Отцы и дети». По совету друзей Тургенев отказался тогда же от печатания этого предисловия, и его текст считался безнадежно утраченным. Однако он сохранился в копии — ее обнаружил покойный литературовед Т. С. Гриц, которым и была подготовлена публикация этого предисловия, являющегося документом незаурядной историко-литературной ценности.

Открывающая раздел статья «О современной русской литературе. Пушкин. Лермонтов. Гоголь» была опубликована анонимно в 1845 г. в парижском журнале «L'Illustration». Автору этой публикации Л. Р. Ланскому удалось на основе анализа текста статьи, ее сопоставления с другими критическими высказываниями Тургенева и изучения обстоятельств ее напечатания доказать принадлежность ее Тургеньеву. В оценках исторического прошлого русской литературы и ее современного состояния, в определении национального значения Пушкина, Лермонтова и Гоголя Тургеньев выступает в этой статье как убежденный последователь и соратник Белинского. Он видит главную ценность русской литературы в том, что после Пушкина она развивалась на путях реализма, народности и национальной самобытности.

Статья «О современной русской литературе» займет видное место в ряду других критических статей Тургенева, написанных в 1840-х—начале 1850-х годов, тем более, что до сих пор не было известно ни одного его критического выступления, в котором важнейшие проблемы развития русской литературы рассматривались бы в таком широком

историческом плане. Значение данной статьи заключается и в том, что она составляет важное звено в деятельности Тургенева как пропагандиста русской литературы на Западе.

В раздел критических статей включено также открытое письмо Тургенева в редакцию парижской газеты «Le XIXe Siècle» (1879) о выставке картин В. В. Верещагина в Париже. Это выступление Тургенева, до сих пор остававшееся вне внимания исследователей и никогда не включавшееся в число произведений писателя, содержит высокую оценку картин замечательного русского художника и дополняет наше представление о взглядах Тургенева на пути развития русской национальной живописи. Сопровождающая публикация статья И. С. Зильберштейна, построенная на обширном, в значительной части неизданном материале, восстанавливает историю знакомства и дружбы Тургенева и Верещагина и показывает, как много было сделано Тургеньевым для того, чтобы творчество большого русского художника получило в самых широких кругах западноевропейского общества заслуженное признание.

Дальнейшие поиски во французских газетах и журналах безусловно помогут выявить другие статьи и открытые письма Тургенева, до сих пор остающиеся неизвестными.

В третьем разделе — «Автобиографические записи» публикуется «Мемориал», представляющий собой автобиографический конспект, охватывающий период молодости писателя — от начала 1830-х до начала 1850-х годов. Не приходится сомневаться, что «Мемориал» будет широко использован биографами Тургенева и исследователями его творчества. Записи «Мемориала» не только вносят ряд уточнений в биографию писателя, но и пополняют ее некоторыми новыми фактами.

Здесь же публикуется последний дневник Тургенева, который он вел в конце 1882 — начале 1883 годов. Сохранившаяся в парижском архиве тетрадь с этим дневником является единственным, что в настоящее время известно из всех дневников, которые, как это убедительно доказано во вступительной статье И. С. Зильберштейна, Тургенев вел систематически, на протяжении последних трех десятилетий своей жизни. Несмотря на то, что публикуемые дневниковые записи относятся ко времени предсмертного заболевания Тургенева, они содержат много откликов на текущие события литературной, художественной и общественно-политической жизни. Эта первая публикация дневника Тургенева будет способствовать, как надеется редакция, выявлению и других его дневников, если они не были в свое время подвергнуты уничтожению (в соответствии с неоднократно выраженным желанием Тургенева).

В заключительном разделе первой книги печатаются обширные материалы «Игры в портреты» — оригинальной литературной игры, придуманной в 1856 г. (вероятно, самим Тургеньевым) и в течение более чем двадцати лет бывшей одним из излюбленных вечерних развлечений в доме Виардо—Тургенева. Источником настоящей публикации являются две коллекции «Игры в портреты» — одна из них входит в состав части тургеньевского архива, принадлежащей Национальной библиотеке, другая находится во владении внучки Полины Виардо, г-жи Анри Больё. В целом обе они содержат около 200 листов, заполненных рисунками и записями различных участников игры. В публикацию включены все записи, сделанные Тургеньевым и П. Виардо; записи других участников как не имеющие литературно-художественного значения остались за пределами публикации. Печатаются также все рисунки (профили), на основе которых по ходу игры создавались словесные портреты-характеристики.

Социальный диапазон этих характеристик — порой очень лаконичных, порой более развернутых — весьма широк: здесь в метких, полных острой наблюдательности, иногда переходящих в злую карикатуру зарисовках представлены многочисленные типы, принадлежащие к самым различным кругам французского общества эпохи Второй империи.

В связи с изучением «Игры в портреты» возникает много вопросов, рассмотрению которых посвящены две вступительные статьи. Однако в настоящее время нельзя считать законченным изучение этих материалов. Дополнительного обследования требует вопрос о связи между «Игрой в портреты» и литературным трудом Тургенева, хотя многое в этом отношении можно уже считать твердо установленным; не до конца ясен

в настоящее время и вопрос о том, кому принадлежат рисунки, составляющие основу «Игры в портреты». Андре Мазон считает, что автором их в одних случаях был Тургенев, в других — Полина Виардо; кроме того, он не исключает возможности, что какие-то рисунки могли принадлежать и другим участникам игры. Иной точки зрения придерживается в своей статье А. Н. Дубовиков, который приводит ряд доводов в пользу предположения, что автором всех рисунков был Тургенев. Какая из этих двух точек зрения ближе к истине, покажет будущее, когда материалы «Игры в портреты» подвергнутся более полному и всестороннему изучению, которое не могло быть осуществлено сейчас, при их первой публикации.

Вторая книга открывается разделом, содержащим письма Тургенева. Редакция «Литературного наследства» отказалась от включения в том отдельных неизданных писем, довольно большое количество которых обнаружено исследователями за последние годы — все они или уже вошли, или в недалеком будущем войдут в Полное собрание писем Тургенева, издающееся Институтом русской литературы АН СССР. В настоящем томе редакция ограничилась немногими публикациями. Первое место по объему материала и по его значению занимает публикация 79 писем Тургенева к П. Л. Лаврову (а также трех писем Лаврова к Тургеневу), хранящихся в основном в ЦГАЛИ. Ни с одним из русских революционных деятелей Тургенев не вел такой интенсивной переписки, ни с одним из них у него не было столь обширного круга общих интересов — уже одно это может служить мерилем значения публикуемых писем, большая часть которых печатается впервые.

Здесь же печатаются четыре письма к народнику Н. В. Чайковскому (и одно письмо Чайковского к Тургеневу), найденные недавно в архиве последнего, хранящемся в ЦГАОР. Чайковскому, как и многим другим русским политическим эмигрантам, Тургенев оказывал материальную поддержку и помогал его негласному литературному сотрудничеству в русской печати. Это и составляет основное содержание публикуемых писем. Сюда включены и найденные в фондах Британского музея четыре письма Тургенева к английскому общественному деятелю Чарлзу Дилку.

В настоящий раздел входит также публикация двусторонней переписки Тургенева с видным государственным деятелем А. В. Головинным, который был близок к либеральным кругам русского общества. Среди разнообразных тем, которые затрагиваются в этой переписке, наибольший интерес представляет отзыв Головина о «Нови» и его суждения о политическом смысле нового романа Тургенева — в них с полной отчетливостью выразились взгляды либерального бюрократа, стремившегося превратить Тургенева в своего союзника и единомышленника. Эти суждения займут видное место в общей картине идейно-литературной борьбы, развернувшейся вокруг последнего романа Тургенева.

Во втором разделе, который строится исключительно на парижских материалах, публикуются наиболее крупные по объему и наиболее значительные по содержанию связки писем, сохранившиеся в архиве Тургенева: 7 писем И. И. Панаева, 47 писем А. Ф. Писемского, 48 писем М. А. Маркович (Марко Вовчок), 14 писем Я. П. Полонского и 14 писем немецкого поэта и переводчика Фридриха Боденштедта — всего 130 писем. В каждой из этих публикаций исследователи найдут богатый и разнообразный материал для изучения жизни и творчества Тургенева, его взаимоотношений с названными писателями, для понимания его общественно-литературных позиций. Не менее велико и значение публикуемых писем для каждого из представленных здесь корреспондентов писателя.

Предлагаемые в настоящем томе вниманию читателей и специалистов материалы парижского архива Тургенева и выполненные на их основе исследовательские работы помогут дальнейшему успешному развитию советской историко-литературной науки. Публикуемые творческие рукописи Тургенева вносят существенные дополнения в историю его работы над «Записками охотника», помогают более конкретно понять, что представлял собой первый его роман «Два поколения», открывают, по существу, новую область творчества Тургенева — его драматургические произведения конца 60-х годов; публикуемые в томе материалы пополняют фонд известных критических статей Тургенева и его автобиографических записей, делают доступными исследователям

большое количество писем Тургенева и адресованных ему писем его корреспондентов-литераторов. Успешному завершению сложной и трудной работы по созданию настоящего тома во многом способствовало плодотворное сотрудничество в нем советских исследователей-тургенистов с французскими, немецкими (ГДР) и английскими учеными, разрабатывающими творческое наследие Тургенева.

Издавая этот том, редакция «Литературного наследства» предполагает продолжить в будущем свою работу по Тургеневу. В настоящее время заканчивается подготовка тома «И. С. Тургенев. Новые материалы и исследования». Большая часть представленных в нем статей и публикаций посвящена разработке широкой проблемы — Тургенев и русское революционное движение. Помимо ряда исследований, в которых различные аспекты этой общей проблемы освещаются на основе творчества Тургенева, в томе будут опубликованы неизвестные статьи и высказывания о Тургеневе и его произведениях деятелей русского революционного движения — П. Л. Лаврова, Г. А. Лопатина, С. С. Рымаренко, С. М. Степняка-Кравчинского и др. Большое место в томе займет раздел воспоминаний о Тургеневе.

Последний из тургенинских томов «Литературного наследства» будет посвящен переписке Тургенева и П. В. Анненкова, которая охватывает три последних десятилетия жизни Тургенева. Здесь впервые собрано более 760 писем обоих корреспондентов — многие из них известны только в старых публикациях, не всегда легко доступных, часть же никогда не публиковалась. Материалы этой замечательной переписки послужат не только важнейшим источником для изучения Тургенева, но и дадут много ценного для истории русской литературы и общественной мысли за указанное время.

Редакция надеется, что выход тома «Из парижского архива И. С. Тургенева» послужит стимулом для выявления той части бумаг писателя, находящихся во Франции, которая до сих пор остается вне исследовательской разработки. Для первой публикации этих тургенинских материалов, еще неизвестных в науке, «Литературное наследство» всегда готово предоставить свои страницы.

Редакция «Литературного наследства» считает своим долгом выразить глубокую признательность академику Андре Мазону, являющемуся также иностранным членом Академии наук СССР, который обеспечил своим содействием возможность появления настоящего тома и с неизменным вниманием и доброжелательностью откликнулся на многочисленные и подчас обременительные запросы редакции, связанные с подготовкой тома.

Редакция выражает также благодарность следующим лицам: г-же Анри Больё за любезное разрешение сфотографировать принадлежащие ей листы «Игры в портреты» и включить их в число публикаций настоящего тома; академику Жюльену Кэну, директору Национальной библиотеки в Париже, за большое внимание к этому нашему изданию и за оказание помощи в своевременном изготовлении и пересылке микрофильмов и фотокопий с парижских рукописей Тургенева; Леониду Давыдовичу Леонидову (Париж) и Александру Яковлевичу Полонскому (Париж), оказывавшим нам весьма плодотворную помощь в разысканиях документальных материалов по Тургеневу в зарубежных архивах и в частных коллекциях; доктору Герхарду Цигенгейсту (Берлин, Институт славистики Германской Академии наук) за полученные от него ценные справки по ряду вопросов, связанных с подготовкой тома, и за предоставление возможности воспроизвести в томе некоторые редкие фотоматериалы.

Редакторы тома — А. Н. Дубовиков и И. С. Зильберштейн. Редакционную работу вела также К. П. Богаевская. В подготовке тома приняли участие М. И. Беляева, И. Е. Гитович, Л. Р. Ланский и Л. М. Розенблюм. Произведения Тургенева и его переписка, впервые публикуемые в двух книгах этого тома, собраны И. С. Зильберштейном. Редактирование переводов французских и немецких текстов, печатающихся в томе, осуществлено М. И. Беляевой, А. Н. Дубовиковым и Н. Д. Эфросом. Иллюстрации подобраны Т. Г. Динесман при участии Н. Д. Эфрос.